

Геннадий Евстафьев:

«ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПРАКТИЧЕСКИ ИСЧЕРПАЛО СЕБЯ
КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО»

В первом номере журнала Ядерный Контроль мы публиковали интервью «Девять вопросов о ядерном нераспространении»¹ с Геннадием Евстафьевым, в то время начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ Службы внешней разведки России. Была осень 1994 г. Мы говорили о ключевых проблемах режима нераспространения, о сложностях, с которыми сталкивается Россия в сфере ядерной безопасности, о будущем режима.

Заместитель главного редактора журнала Индекс Безопасности Ирина Миронова вновь задала Геннадию Михайловичу эти вопросы. Что изменилось за 18 лет?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: «Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов, для того чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. [...] Сама тенденция в военном ядерном нераспространении противоречива» — так Вы говорили, с одной стороны оптимистично, но в то же время с определенной долей волнения в 1994 г., оценивая будущее режима нераспространения. Реализовались ли позитивные ожидания? Если говорить о проблемах нераспространения в общем, что изменилось за 18 лет? Какие новые события произошли в нераспространении, изменили ли они кардинально и принципиально картину?

ЕВСТАФЬЕВ: Это были насыщенные годы, в ходе которых происходил интенсивный обмен мнениями между участниками процесса нераспространения. В ряде случаев обмен непростым и иногда даже вызывал отторжение. Но в течение этого периода были все-таки нащупаны главные точки соприкосновения различных государств в этой области.

Одним из главных итогов этого этапа стало принятие решения о бессрочном продлении ДНЯО в ходе Обзорной конференции в 1995 г. Были разные точки зрения — я, честно говоря, отношусь к тем, кто, как Р. М. Тимербаев², выступали за продление Договора на 25 лет, чтобы в дальнейшем была возможность оценить его работу. Но большинство склонилось к другой точке зрения. Переговоры в Нью-Йорке были очень непростыми, но нам все же удалось достичь согласия по вопросу продления ДНЯО.

Второе достижение — это понимание того, что проблема нераспространения ядерного оружия — невыдуманная,

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

сложная, затрагивающая все государства, и поэтому она требует международного сотрудничества по самому широкому спектру вопросов. И надо сказать, что государствам с очень разными позициями удалось все-таки нащупать точки соприкосновения. Было запущено несколько инициатив, и это в значительной степени улучшило ситуацию в сфере нераспространения.

В 1990-е гг. вопросы нераспространения действительно находились в центре внимания мирового сообщества. В результате — и это *третий важный аспект* — не появились те 20–25 новых ядерных государств, о которых очень много говорили, и появления которых опасались в середине 1990-х гг. К такому результату привело взаимное понимание и уважение позиций, понимание того, что это опасно для мира.

В 1991 г. Южная Африка подписала ДНЯО и отказалась от ядерного оружия. Шесть боеголовок, которые у них были, они разобрали по собственной инициативе под международным контролем. Кроме того, в 2003 г. от ОМУ — в том числе от программы по созданию ядерного оружия — отказалась Ливия, вышедшая в результате из числа стран, нарушающих режим нераспространения.

Очень важно, что удалось раскрыть схемы торговли ядерными материалами и оборудованием. И один факт ликвидации организации Абдул Кадыр Хана в октябре 2003 г., организации, которая была, пожалуй, самой крупной в этом отношении, — это огромное достижение международного сообщества. Этот процесс затронул не только Абдул Кадыр Хана, но и целый ряд других людей, которые злостно нарушали документацию и правила торговли материалами данного назначения.

Другим значительным достижением этого периода стало принятие в 1997 г. дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ. Протокол открывает широкие возможности для проведения инспекций, чего раньше не было. Например, в отношении того же Ирана (который его пока даже не ратифицировал) было проведено около 3 тыс. контрольных проверок, поездок, посещений.

В части продвижения идеи нераспространения активно работали неправительственные организации (НПО), исследовательские центры, которые внесли свой значительный вклад в понимание проблемы, в выяснение деталей, в поиск приемлемых, компромиссных решений.

Конечно, удержать распространение в рамках того, на что надеялись, к сожалению, не удалось. Все-таки Индия и Пакистан испытали ядерное оружие в 1998 г. Северная Корея провела два испытания ядерных устройств — в 2006 и 2009 гг. Израиль обладает ядерным оружием, хотя и не признает этого официально.

Нужно обязательно помнить о том, что, к сожалению, ДНЯО так и не стал универсальным документом. А для успешной борьбы с распространением ядерного оружия ДНЯО имеет очень большое значение.

Поэтому период последних 15–17 лет считаю непростым, достаточно противоречивым, но я бы сказал, что все-таки он завершается с большим знаком *плюс*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль в этом процессе сыграла Россия?

ЕВСТАФЬЕВ: Россия в сфере нераспространения ОМУ все время играла активную и, я бы сказал, наступательную роль. Предложения России о проведении важных диалогов и переговоров на виду и сейчас. К примеру, формат обсуждения северокорейской проблемы — *шестерка* — был предложен Россией. Благодаря усилиям России начался диалог, который важно сохранять.

То же самое с Ираном. С одной стороны, Россия инициировала переговорный процесс по иранской ядерной программе, а с другой стороны, ее важная роль также заключается в том, что она не допускает резких движений со стороны некоторых государств, которые очень хотели бы пойти по пути силовых решений, по пути жестких резолюций. Поэтому роль России здесь нельзя недооценивать. Роль России в этих вопросах ключевая.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Перейдем к конкретным *проблемным точкам*. Первая из них — ситуация на Корейском полуострове, которая и в середине 1990-х гг. «продолжала оставаться острой». В 2006 и 2009 гг. были проведены ядерные испытания. На первый взгляд, ситуация остается напряженной, но при этом в какой-то степени предсказуемой. Какие, с Вашей точки зрения, проблемы в будущем могут возникнуть в связи со сменой лидера в КНДР? Чего ожидать от ситуации на полуострове?

ЕВСТАФЬЕВ: На ситуацию в КНДР в последние 20 лет серьезное влияние оказывали внешние факторы. Существовала напряженность на самом Корейском полуострове. Присутствие американских ядерных сил в Южной Корее, конечно, вызывало большие опасения. Изменение политической ситуации после развала Советского Союза привело северокорейских лидеров к выводу, что им нужно полностью опираться в оборонных вопросах на самих себя. У них возникли сомнения в том, что Китай и Россия в случае конфликта будут их защищать. Поэтому они и работали над этим *абсолютным оружием*, которое, по их мнению, гарантирует неприкосновенность режима и неприкосновенность национальной территории.

Началось это довольно давно. Исследования в ядерной сфере, и прежде всего в военной сфере, в Северной Корее велись очень много лет. Страна обладает ограниченными ресурсами, поэтому они развивались очень медленно. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Северной Кореей было принято решение о создании ядерного оружия. Они избрали *плутониевый путь*. Возможности, хоть и небольшие (пятимегаваттный реактор), имелись. Северокорейцы занимались переработкой топлива, отходов, которые появились в результате работы этого реактора. До 1993 г. МАГАТЭ контролировало многие процессы, но потом, когда дело подошло уже к *самому-самому*, северные корейцы прогнали МАГАТЭ со своих ядерных объектов, поэтому дальнейшие работы велись во многом бесконтрольно.

Был ли у КНДР альтернативный путь? Служба внешней разведки (СВР) России утверждала, что альтернативный путь был. СВР упрекали в том, что она неправильно оценивала наличие у Северной Кореи других путей — в частности, выводы СВР оспаривались в книге под редакцией А. Г. Арбатова «Ядерное нераспространение», а также статья одного из ведущих экспертов по ядерной программе КНДР А. В. Воронцова. Хотя СВР до начала 1990-х гг. не работала с детальными данными, имелись позднее подтвердившаяся информация о том, что в результате сотрудничества между Северной Кореей и Пакистаном северокорейцы получили доступ к пакистанскому опыту, а пакистанцы, как известно, работали над обогащением урана. Абдул Кадыр Хан передал в КНДР технологии обогащения урана в обмен на северокорейские ракетные разработки. Самое смешное заключалось в том, что невольным перевозчиком этих материалов стала сама Беназир Бхутто, премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 гг. Ее первое премьерство было связано с ее визитом в Пхеньян, где ее принимал Ким Ир Сен. И вот на прощание он ей отдал набор дискет и попросил отвезти и передать их *знающим людям* в Пакистане. Она не знала, что везет. После визита в Пакистане ее встретили военные и получили от нее дискеты — плату за материалы по урановым разработкам. Северокорейцы создали *пилотный* проект по обогащению урана, который действует и сейчас. От Абдул Кадыр Хана они получили центрифуги и технологию обогащения. Уже потом они методом *обратного инжиниринга* создали на этой базе свои центрифуги и оборудовали лаборатории.

Зигмунд Хекер, американский ученый-ядерщик, уже спустя годы подтвердил, что у северных корейцев, помимо известных объектов по развитию плутониевого пути, были небольшие, но действующие *пилотные* проекты по обогащению урана. Они были сделаны на базе вот этих материалов Абдул Кадыр Хана. Кроме того, есть все основания предполагать, что северные корейцы приезжали в Пакистан для ознакомления с последствиями и ходом проводившихся там подземных ядерных испытаний. Им показали соляные шахты, в которых были проведены испытания, а также технику, нужную для их проведения.

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Северные корейцы, будем говорить прямо, — мастера, умеющие балансировать на грани. Они постоянно нас всех ставили в неприятные, *острые* ситуации. Балансирование на грани хотя и не привело к печальным последствиям, вызывало обострения напряженности. Северная Корея предпринимала очень неподобающие действия, то выходя из ДНЯО, то давая понять, что не вышла, а только объявила о выходе. В конце концов они провели два ядерных испытания (в 2006 и 2009 гг.), и можно считать, что Северная Корея — почти полноправный член *ядерного клуба*. А это уже совершенно по-другому расценивается и в Южной Корее, и американцами и, как это ни удивительно, создает определенные гарантии безопасности КНДР.

С другой стороны, американцы после долгих колебаний вывели свои ядерные арсеналы из Южной Кореи, и движение в сторону денуклеаризации Корейского полуострова в принципе пошло. Сейчас одна из задач заключается в том, чтобы договориться с северными корейцами таким образом, чтобы они отказались от развития военной ядерной программы. Но для этого нужны очень большие политические гарантии для режима, а также огромная экономическая помощь. Американцы, отказавшись от поддержки Организации содействия развитию атомной энергетики Корейского полуострова (КЕДО), сами нанесли сокрушительный удар по перспективам развития Северной Кореи вне ядерных рамок.

Что касается нового лидера, мне кажется, что Ким Чен Ын пока не обрел должной силы и влияния, как его дедушка и отец. Но он находится в руках очень опытных и очень хитрых северокорейских военных, которые не дадут ему совершать ошибок.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что можно сказать про новые *пороговые страны*? Дискуссий по этому поводу было достаточно много в середине 1990-х гг. Вы тогда отметили: «Мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать *пороговые* и *неофициальные ядерные державы* десятками». Что изменилось?

ЕВСТАФЬЕВ: Пороги — они остаются порогами. Но говорить о том, что пороги стали широко распространенными, не приходится.

В те годы очень много говорилось об Аргентине, о Бразилии. Эти страны приняли для себя определенные решения, и они перестали быть предметом озабоченности. Зато появились некоторые другие озабоченности. Прежде всего появилась проблема Ирана. В начале 1990-х гг. американцы даже не допускали мысли о том, что Иран будет заниматься ядерным оружием. Только через пару лет, где-то в 1993, 1994 г. они начали бить тревогу «Иран! Иран! Вот-вот будет ядерная бомба!». Прошло 18 лет — а ядерной бомбы нет. Хотя Иран проделал гигантский путь в развитии ядерной программы.

Конечно, и мирные аспекты для Ирана очень важны: в Тегеране работает реактор, который производит медицинские изотопы. Этот реактор работает на аргентинском сырье, которое заканчивается. Ирану, находящемуся под всякого рода санкциями, не приходится надеяться, что Аргентина поставит еще. А в Иране около 800 тысяч людей, больных раковыми и другими болезнями, для которых вот эти изотопы, радиоизотопы, являются, может быть, единственным спасением. 800 тысяч! Даже такая проблема вызывает у страны огромную озабоченность. Поэтому им нужны определенные уровни обогащения, чтобы было ядерное топливо для работы этого реактора и для выработки радиоизотопов.

Если говорить чисто формально, Иран пока не нарушил своих обязательств по ДНЯО. Уровень обогащения по U-235 в Иране сейчас находится на уровне 20%, и это большой прогресс, это серьезная ступень. Сейчас решается важный вопрос: как поведет себя Иран. Вот появился центр обогащения в Натанзе, появился центр обогащения под Фордо около города Кум. Как это все пойдет? Иран — вот это настоящая *пороговая* страна.

А напротив, через залив — другая страна, которая вроде бы не *пороговая*, но которая может немедленно стать *пороговой*. Это Саудовская Аравия, которая в случае, если Иран продвинется в создании ядерного оружия, немедленно станет не только *пороговой*, но и ядерной страной, и никто ее не удержит. При своих материальных возможностях они могут сделать это достаточно быстро.

Один из острейших вопросов, который сейчас нужно решить мировому сообществу — это вопрос создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Если эта задача будет решена, тем, кто ее решит, надо будет давать Нобелевскую премию. К сожалению, пока позитивных сдвигов не происходит. Существуют крупные разногласия между Израилем и Ираном. Мне кажется, что все-таки есть один выход. Он может показаться невероятным, но если мировое сообщество даст гарантии существования Израилю, стопроцентные, могучие гарантии, которые обеспечат существование Израиля как государства, оно может потребовать от Израиля отказа от ядерного оружия. Это, на мой взгляд, должно быть сделано таким образом: еще не созданное ядерное оружие Ирана нужно разменять на уже имеющееся ядерное оружие у Израиля при железных гарантиях Израилю со стороны всего мирового сообщества, в том числе и арабских стран, на право существования этого государства.

Если бы мы решили вопрос о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке, это компенсировало бы все разочарования и просчеты предыдущих лет.

Мир постепенно умнеет. И ему ядерное оружие надоедает. Ведь неслучайно Джордж Шульц сотоварищи выдвинули идею отказа от ядерного оружия³, которая была в принципе поддержана и нашими *мудрецами* во главе с Е. М. Примаковым⁴. Поэтому это говорит о развитии тенденции в сторону понимания того, что подходит время отказа от ядерного оружия *эвентуально*. Я не говорю завтра. Эвентуально. Оно себя как политическое средство практически исчерпало.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Очень часто в 1990-е гг. упоминался так называемый *российский след*. Как сейчас у нас обстоят дела с вопросом контроля ядерных материалов?

ЕВСТАФЬЕВ: Прежде всего мы можем фиксировать гигантские, кардинальные изменения в организации экспортного контроля в сфере ядерных материалов, то, чего не было в начале девяностых. Тогда происходили многочисленные случаи вывоза, попыток вывоза, кражи не только оборудования, но и самих ядерных материалов. Люди, неграмотные в области ядерных материалов, думали, что они положат малообогащенный уран под сидение и спокойно его вывезут. Это была страшная вещь. Это была полная неграмотность.

Но происходили не столько утечки материалов, сколько утечки оборудования в тот же Иран, в тот же Пакистан, в ту же Северную Корею, — причем

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В последние месяцы слухи о российской ядерной контрабанде приобрели характер *эпидемии*, а может быть и *моды*. [...] Известны ли Вам случаи подтвержденной контрабанды из России значительных количеств высокообогащенного урана, или оружейного плутония, или же других веществ, которые реально могли быть использованы террористическими группами для создания ядерного оружия?

ЕВСТАФЬЕВ: Слово *эпидемия*, на мой взгляд, не совсем соответствует реальному положению дел. [...] Ажиотаж вокруг этой темы не нов. Он длится уже три года, и теперь можно говорить о том, что он кем-то *сознательно* постоянно подпитывается. [...] По всем меркам разумного мышления, невооруженным взглядом видна алогичность такого явления как *черный рынок* уранового ядерного топлива для атомных реакторов.

Ядерный Контроль. 1995. № 1. С. 14.

такие системы, которые трудно было достать. Это происходило не только в России. На середину 1990-х гг. в США было 300 тыс. нарушений экспортного контроля в год. Из них около 3 тыс. было связано с ядерной проблематикой. В целях контроля за тем, кто является конечным пользователем вывозимых образцов вооружений и технологий, в 1990-х гг. в США была запущена программа *Blue Lantern*. Так что экспортный контроль был проблемой не только в России.

Сейчас предпринимаются гигантские шаги по организации внутрифирменного экспортного контроля. Таможенные, пограничные службы оборудованы по последнему слову техники. В результате внимания к этой проблеме, которая тогда казалась неразрешимой и неподъемной (я тогда был членом комиссии Правительству РФ по экспортному контролю) все-таки удалось организовать нормальную и эффективную работу экспортного контроля. Но нужно понимать, что экспортный контроль — это не панацея, он не может решить всех задач. Есть еще неосязаемая передача технологий, поездки ученых, специалистов, которые увозят с собой знания. И у нас были и с этим большие проблемы, но все удалось решить и поставить на нужный уровень. Поэтому последние 15–17 лет характеризовались коренным прорывом в сфере экспортного контроля.

В заключение хочу снова вернуться к теме достижений в развитии режима нераспространения. То внимание, которое с конца 1980-х гг. начало уделяться проблеме нераспространения, позволило создать целую плеяду специалистов, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия, развития ядерных программ, физической безопасности ядерных объектов. Сотни людей, получивших соответствующее образование, занимаются анализом происходящих событий, выявлением тенденций, генерируют идеи. Я считаю, что это ничуть не меньшее достижение, чем те, что я назвал в начале нашего разговора. 🐘

Примечания

¹ См. Геннадий Евстафьев. Девять вопросов о нераспространении. *Ядерный Контроль*. 1995. № 1, Январь. С. 12–15.

² Ведущий специалист в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями, известный прежде всего как один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия — краеугольного камня режима нераспространения. В 1988–1992 гг. — постоянный представитель СССР и России при международных организациях в Вене. Принимал активное участие в выработке ключевых международных соглашений в ядерной области, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях и ряд других. Р. М. Тимербаев — один из создателей ПИР-Центра, в 1994–2010 гг. — председатель Совета ПИР-Центра, в 1994–2004 гг. — член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

³ Shultz George P., Perry William J., Kissinger Henry A., and Nunn Sam. Toward a Nuclear-Free World. *The Wall Street Journal*. 2008. 15 January.

⁴ См. Полемику в текущем номере на с. 139.